

Событийная структура некоторых приставочных глаголов

1. Введение

Основная цель этой статьи — предъявить новые эмпирические аргументы, подкрепляющие утверждение в (1):

- (1) Событийная структура префигированных («перфективных») основ типа *написа-* отличается от событийной структуры морфологически простых («имперфективных») основ типа *писа-* - наличием результирующего подсобытия.

В соответствии с (1), операция в (2), которая традиционно называется приставочной перфективацией, помимо всего прочего, представляет собой добавление результирующего подсобытия к событийной структуре, обозначаемой основой *писа-*:

- (2) а. Вася писал письмо.
б. Вася написал письмо.

Утверждение в (1) нельзя признать совершенно новым. В многочисленных работах Е. В. Падучевой и ее сотрудников (см., в частности, Кустова, Падучева 1994, Падучева 1996, 2004, Кустова 2004) подробно обосновывается, что толкования глаголов типа *написать* в качестве необходимого компонента содержат результирующее состояние, которое приобретает пациентивный актанта при осуществлении описываемого события.

Наша задача в этой связи — подчеркнуть причинно-следственную связь между глагольной префиксацией и наличием результирующего состояния. Мы хотели бы представить несколько фактов, которые, как кажется, до сих пор не обсуждались в контексте «приставочной перфективации» и которые убедительно указывают на то, что основополагающий вклад префикса и семантическую интерпретацию — не только (а возможно и не столько, см. Татевосов 2010) совершенный вид, но в первую очередь результирующее подсобытие.

Прежде чем приступить к изложению этих фактов, поясним, что мы имеем в виду, когда говорим о глаголах типа *писа(-ть)* и глаголах типа *написа(-ть)*. По сравнению с общим числом простых и префигированных глаголов пар типа *писа(-ть)* и *написа(-ть)*, возникающих в результате того, что многие исследователи называют «чистовидовой префиксацией», в русском языке сравнительно немного, однако именно они образуют самую сердцевину аспектуальной системы. Изложенные ниже семантические наблюдения, а также основные обобщения непосредственно относятся именно к этому классу глаголов. Значительное количество прочих префиксальных дериватов от простых непрефигированных основ (например, *подписа(-ть)*, *приписа(-ть)*, *списа(-ть)*, *дописа(-ть)*, *переписа(-ть)*), также, в отличие от *писа(-ть)*, содержат в своем семантическом представлении результирующее состояние. Хорошо известно, однако, что все они отличаются от *писа(-ть)* иначе, чем *написа(-ть)*: дескриптивные свойства обозначаемых ими ситуаций содержат такие семантические компоненты, которых нет ни у *писа(-ть)*, ни у *написа(-ть)*. Кроме того, имеются префиксы, присоединение которых, по-видимому, вовсе не приводит к появлению результирующего состояния: это, например, делимитативный *по-*, пердуративный *про-* и инцептивный *за-*. Изложенные ниже выводы мы полагаем безусловно обоснованными для

«чистовидовых» пар типа *писа(-ть)* и *написа(-ть)*, а вопрос о распространении этих выводов на остальные случаи оставляем открытым для дальнейшего исследования.

2. Декомпозиция предиката

Идея о том, что результирующее состояние представляет собой отдельный компонент глагольного значения, предполагает **семантическую декомпозицию** предиката. Декомпозиционный подход к глагольной семантике отражает представление о многокомпонентном устройстве описываемой ситуации. Первопроходцем в этой области следует, по-видимому, признать Д. Даути (Dowty 1979), предложившего для глаголов класса **свершений** (accomplishments) в английском языке семантическое представление в (3):

$$(3) \quad [[DO(\alpha_1, [\pi_m(\alpha_1, \dots, \alpha_m)])] CAUSE [BECOME[\rho_n(\beta_1, \dots, \beta_n)]]]$$

Как видно из (3), глаголы-свершения, как их анализирует Д. Даути, представляют собой комбинацию двух пропозиций, связанных каузативным оператором CAUSE. Это $[[DO(\alpha_1, [\pi_m(\alpha_1, \dots, \alpha_m)])]$ и $[BECOME[\rho_n(\beta_1, \dots, \beta_n)]]$, которые сообщают, соответственно, что один из участников ситуации (α_1) осуществляет определенную деятельность и что другие участники ($\beta_1, \dots, \beta_n$) вследствие этого переходят в результирующее состояние. В (3) задействуется два разных предиката — π и ρ . Первый описывает состояние агентивного участника ситуации, а второй — возникающее его усилиями состояние других участников (в частном случае — единственного пациентивного участника). Глаголы-свершения, таким образом, двухкомпонентны: они несут в себе информацию, что в актуальном мире имеет место деятельность агенса и изменение состояние пациенса и что второе из этих явлений вызвано первым.

Свершения — лишь один из нескольких возможных классов предикатов. Кроме них, Д. Даути выделяет и класс деятельностей (activities), анализ которого показан в (4):

$$(4) \quad DO(\alpha_1, [\pi_n(\alpha_1, \dots, \alpha_n)])$$

В соответствии с (4), семантическое представление деятельностей содержит единственный предикатный компонент — (n -местный) предикат π , обозначающий состояние, в котором находятся агенс (α_1) и другие участники ситуации в ходе ее осуществления. В отличие свершений, деятельности не предполагают результирующего состояния, в которое переходит пациентивный актанта.

Согласно нашей гипотезе, именно так различаются событийные структуры приставочных и бесприставочных глаголов типа *написать* и *писать* в русском языке. *Писать* и *написать* имеют разный состав компонентов, из которых складывается общее описание ситуации (что, разумеется, не исключает и каких-либо дополнительных различий между ними, в частности, собственно видовых). В Татевосов 2010 мы предлагаем для *писа(-ть)*, *написа(-ть)* и аналогичных глаголов в русском языке анализ на метаязыке семантики событий, который делает различия в их событийной структуре эксплицитными. Этот анализ показан в (5)-(6).

$$(5) \quad \parallel \text{писа} \parallel = \lambda y \lambda x \lambda e [\mathbf{write}_A(e) \wedge \mathbf{agent}(x)(e) \wedge \mathbf{patient}(y)(e)]$$

$$(6) \quad \parallel \text{написа} \parallel = \lambda y \lambda x \lambda e \lambda s [\mathbf{write}_A(e) \wedge \mathbf{agent}(x)(e) \wedge \mathbf{patient}(y)(e) \wedge \mathbf{cause}(s)(e) \wedge \mathbf{writes}(s) \wedge \mathbf{arg}(y)(s)]$$

где **write_A** — предикат, обозначающий динамические компоненты ситуации ‘писать’, **write_S** — предикат, обозначающий состояния ‘быть написанным’, **cause** — отношение каузации на событиях¹.

Семантика событий (Davidson 1967, Parsons 1990), которая используется в (5)-(6), — это ответвление теоретико-модельной семантики, которое опирается на допущение, что события представляют собой особый род вещей, что в языке существуют выражения, обозначающие события, переменные, пробегающие по событиям и т.д. В дальнейших рассуждениях, однако, от этого выбора не зависят никакие содержательные обобщения: то, что мы скажем, как кажется, переводимо и на другие метаязыки, в частности, на язык толкований Е. В. Падучевой.

(5) представляет собой вариант событийной структуры деятельности — с точностью до нотации такой же, как в (4). (5) — это трехместное отношение между событиями (переменная *e*), которые входят в экстенционал предиката **write_A**, и двумя индивидами, агенсом (переменная *x*) и пациенсом (переменная *y*). (5) — событийная структура свершений, аналогичная (3). Это не трехместное, а четырехместное отношение, в которое, помимо двух индивидов и событий, вступают также состояния (переменная *s*). «Событийный» компонент (**write_A**(*e*) ∧ **agent**(*x*)(*e*) ∧ **patient**(*y*)(*e*)) в (6) идентичен (5). Кроме него, в (6) представлен и стативный компонент — состояние, обозначенное предикатом **write_S** и находящееся в отношении непосредственной каузации с событием, а также его аргумент, идентичный пациенсу события. Таким образом, согласно (5)-(6), различие в событийной структуре *писать* и *написать* сводится к наличию результирующего состояния.

Из анализа в (5)-(6) немедленно вытекает целый ряд предсказаний о семантическом поведении глаголов типа *писать* и *написать*. Если этот анализ верен, то можно ожидать, что *писать* и *написать* характеризуются полным набором свойств, которыми в принципе могут обладать предикаты класса деятельности и свершений. В следующих разделах этой статьи мы рассмотрим три группы явлений, подтверждающих это ожидание, — **причастный пассив**, **ограничения на реализацию аргументов** и интерпретацию некоторых семантических операторов, чувствительных к событийной структуре, в частности, **отрицания** и **наречий почти** и **опять**.

3. Причастный пассив

Если в структуре префигурованных основ типа *написа-* представлено результирующее состояние, должен быть способ его увидеть. Должно существовать морфосинтаксическое средство, выводящее его на поверхность. Такое средство действительно обнаруживается: это причастный пассив, иллюстрируемый в (7).

(7) Письмо написано.

(7) описывает состояние, в котором находится письмо после кульминации процесса написания. Семантическую деривацию, приводящую к этой интерпретации можно представить себе следующим образом. Мы начинаем с семантического представления основы *написа-* в (6). Заполнение позиции внутреннего аргумента именной группой *письмо* (для

---

¹ Следует подчеркнуть, что событийные предикаты типа **write**, отношения типа **agent** и т.п. — это элементы семантического метаязыка, а не английские лексемы *write*, *agent* и т.п.

простоты будем анализировать ее как индивидуную константу) создает отношение между индивидами, событиями и состояниями в (8).

$$(8) \quad \parallel \text{написа- письмо} \parallel = \lambda x \lambda e \lambda s [\mathbf{write}_A(e) \wedge \mathbf{agent}(x)(e) \wedge \mathbf{patient}(\text{letter})(e) \wedge \mathbf{cause}(s)(e) \wedge \mathbf{write}_S(s) \wedge \mathbf{arg}(\mathbf{letter})(s)]$$

Внешний аргумент в пассивных клаузах получает экзистенциальную интерпретацию ('имеется такой индивид, который выступает агенсом в событии написания'), после чего возникает отношение между событиями и состояниями в (9):

$$(9) \quad \parallel \text{PASS [написа- письмо]} \parallel = \lambda e \lambda s \exists x [\mathbf{write}_A(e) \wedge \mathbf{agent}(x)(e) \wedge \mathbf{patient}(\mathbf{letter})(e) \wedge \mathbf{cause}(s)(e) \wedge \mathbf{write}_S(s) \wedge \mathbf{arg}(\mathbf{letter})(s)]$$

Последний этап — превращение отношение в (9) в предикат над состояниями. В von Stechow, Paslawska 2003 предполагается, что это происходит при помощи введенного А. Кратцер (Kratzer 2000) оператора стативизации STAT — $\lambda R \lambda s \exists e [R(s)(e)]$. Результат применения оператора показан в (10).

$$(10) \quad \parallel \text{STAT [PASS [написа- письмо]]} \parallel = \lambda s \exists e \exists x [\mathbf{write}_A(e) \wedge \mathbf{agent}(x)(e) \wedge \mathbf{patient}(\mathbf{letter})(e) \wedge \mathbf{cause}(s)(e) \wedge \mathbf{write}_S(s) \wedge \mathbf{arg}(\mathbf{letter})(s)]$$

(10) обозначает множество состояний 'быть написанным', в которых находится письмо и для которых имеется процесс написания, непосредственно каузивовавший это состояние. Как представляется, именно такую семантику и выражает (8). Ср. удачную формулировку Ю. П. Князева (2007:106): «статальные конструкции с причастиями на *-н*, *-т* ... обозначают именно итоговое состояние, а предшествующая ему смена ситуации только имплицитруется»². Причастный пассив в (7), таким образом, представляет собой вариант результата — категории, которая, по выражению Ю. С. Маслова (1983:42-43), употребляется, если "речь идет о некотором состоянии, обусловленном предшествующем действием"; см. также Неделков, Яхонтов 1983.

Стативная интерпретация в (7) — сильный аргумент в пользу того, что в семантику префигированных основ типа *написа-* встроено результирующее состояние. Рассмотрим аналогичную конструкцию с причастием от непрефигированной основы *писа-* и убедимся, что в ее семантике результирующего состояния нет. Первое, что бросается в глаза, — это неграмматичность аналога (7) с причастием *писано*:

$$(11) \quad * \text{Письмо писано.}$$

Уже сам по себе этот факт указывает на то, что непрефигированные основы несовершенного вида не способны создавать предикат над состояниями, в которых находится объект после осуществления описываемого события. Другой причины для неграмматичности (11) не просматривается.

Ситуация с причастиями на *-н/-т-* от непрефигированных основ, однако, несколько сложнее. При том что (11) в нулевом семантико-синтаксическом контексте неграмматично, в

---

² Причастия на *-н/-т-* допускаются, конечно, не только в стативных клаузах, но и в клаузах, имеющих событийную интерпретацию. Для излагаемого здесь аргумента эти употребления нерелевантны, см. недавнее подробное описание и обсуждение в Князев 2007.

некоторых других типах клауз такие причастия допускаются – ср. пушкинскую ремарку *Писано в Бессарабии*. Вот несколько корпусных примеров с причастием *читан*:

- (12) а. Одна из первых книг, попавшаяся в руки литератору, оказалась французским бульварным романчиком. На одной из страниц этой книжки бисерным почерком генерала было отмечено: «**Читано** в ночь на...» (ту самую ночь — накануне Бородинской битвы), и точно указан адрес, где **читано**. Именно там — на редуте Раевского, — где читал французскую книжку и герой Льва Николаевича Толстого.
- б. — Я не читал, если в двух словах, о чём там?
— Примерно о том, что мы с Вами обсуждаем, но в эпоху раннего возрождения. Подробнее — боюсь соврать, лет тридцать с лишним тому назад **читано**.
- с. Эта книга **читана** в легком незапамятном детстве... Теперь я мучительно припоминаю, то, что читала давно-недавно.
- д. Кажется (могу ошибиться, т.к. книга **читана** давно), там даже никоим образом не упоминается заявленная в Герое гипотеза о том, что Одиссеей как и Илолай "занял" тело.
- е. 766. Лекции по истории и обличению русского раскола: [**Читано** студентам С.-Петербургской Духовной Академии...] — СПб.: Лит. Богданова, Ценз. [189-7—1900]. — Загл. лекций 1896/97 г.: Студенческие записи лекций по истории и обличению русского раскола, 1899/900 г.: Лекции по обличению русского раскола.
- ф. Отличная книга, суперюмор. Одна из любимейших книг. **Читано** много раз, жаль, что авторами совместно написано всего лишь три книги - хотя все они великолепны.
- г. Состояние: Небольшой (меньше 1 см.) надрыв корешка, **книга читана**, но аккуратно.

В таких примерах очень хорошо видно, что причастный пассив, образованный от непрефигированных основ, всегда имеет не стативную, а событийную интерпретацию. *Читано в ночь на* в (12а) — это указание на событие в прошлом, а не на состояние в настоящем. Такую же интерпретацию имеют и (12b-d): это описание не состояния, синхронного точке отсчета в настоящем, как в (7), а факта осуществления в события в прошлом, сопровождающееся указанием на его нечеткую временную локализацию (обстоятельства *давно, в легком незапамятном детстве, тридцать с лишним лет назад*). Это же верно и для (12e-g), с той разницей, что с помощью предложных групп и наречий уточняются адресат в (12e), кратность в (12f) и способ действия в (12g).

За всеми этими употреблением, как указывает Ю. П. Князев (2007:489-490), легко узнается общефактическое, или экспериенциальное значение, которое мы систематически наблюдаем у событийных клауз с глаголами несовершенного вида. И действительно, (12a-g) перефразируются с использованием финитного глагола НСВ с общефактической интерпретацией:

- (13) а. ... бисерным почерком генерала было отмечено: «Эту книгу я читал в ночь на...» (ту самую ночь — накануне Бородинской битвы), и точно указан адрес, где **читал**.

- b. Подробнее - боюсь соврать, лет тридцать с лишним тому назад **читал**.
- c. Эту **книгу я читала** в легком незапамятном детстве...
- d. Кажется (могу ошибиться, т.к. **читала** книгу давно), там даже никоим образом не упоминается заявленная гипотеза.
- e. Лекции по истории и обличению русского раскола: [**Читались** студентам С.-Петербургской Духовной Академии...]
- f. Отличная книга, супер юмор. Одна из любимейших книг. **Читал** много раз.
- g. Состояние: Небольшой (меньше 1 см.) надрыв корешка, книгу **читали**, но аккуратно.

Вопрос о том, почему причастия от непрефигированных основ в предложениях типа (12) имеют именно общефактическую / экспериенциальную интерпретацию и не могут иметь ни актуально-длительной (**Когда я вошел, книга была читана студентами вслух*), ни, по-видимому, хабитуальной (^{??}*Каждый день в начале занятий книга была читана вслух*), представляет огромный интерес и пока, по-видимому, не имеет окончательного ответа³. Однако независимо от того, почему это так, для нас в данном случае важно более простое обобщение: причастия от непрефигированных основ имеют событийную интерпретацию и исключают стативную — такую, когда в рассмотрение вводится результирующее состояние. Наше допущение о событийной структуре префигированных и непрефигированных основ объясняет это обобщение в один ход: так происходит потому, что в семантическом представлении основ типа *писа-* и *чита-* результирующего состояния попросту нет.

Пример стативного употребления непрефигированного причастия *можен* (*Пол был можен широкими сероватыми камнями*), приводимый Ю. П. Князевым, который как будто не согласуется с нашим обобщением, может иметь очень простое объяснение. В отличие от *писан* и *читан*, у *можен* есть адъективный аналог — прилагательное *моженный*, ср. *моженный пол*, **писаное письмо* и **читаная книга*. Клаузы с прилагательными в предикативной позиции и связкой *быть*, естественно, описывают состояния, синхронные точке отсчета: *Вася (был) красив*. *Пол (был) можен широкими сероватыми камнями* — именно такая клауза.

Таким образом, материал пассивных причастий дает нам первый аргумент в пользу анализа в (6)-(7), согласно которому глаголы типа *написать*, но не глаголы типа *писать* имеют результирующее состояние в своем семантическом представлении.

4. Реализация аргументов

Другое важное различие предикатов с событийной структурой деятельностью и свершений, известное из работ Б. Левин и М. Раппапорт Ховав на английском материале

³ Ю. П. Князев выдвигает аргументы в пользу того, что глагольную форму, состоящую из вспомогательного глагола 'быть' и страдательного причастия на *-н/-т-*, следует анализировать как перфект, дистрибуция которого ограничена пассивными клаузами. Если это так, то ее экспериентивные употребления, такие, как в (12), полностью ожидаемы: экспериентивность систематически выступает как одно из частных значений перфекта (Comrie 1976, McCoard 1978, Giorgi and Pianesi 1998, Iatridou et al. 2003). А если учесть, что конструкции с причастием от непрефигированной основы типа *писан* и *читан* употребляются только в экспериентивных контекстах, возможно, такие конструкции можно даже признать специализированным средством выражения экспериентива. Дальнейшую проработку этой возможности мы оставляем на будущее.

(Levin, Rappaport Hovav 1995, 2005, Rappaport Hovav, Levin 1998 и целый ряд других), связано с реализацией аргументов.

Глаголы-свершения отличаются от глаголов-деятельностей тем, что только вторые, но не первые, не требуют обязательной синтаксической реализации пациентивного актанта. В английском языке так различаются, например, *sweep* ‘мести’ (а также другие переходные глаголы поверхностного контакта) и *break* ‘разбивать’ (а также другие переходные глаголы изменения состояния):

- (14) a. John broke the window.
Джон разбил окно.
b. *John broke.
Джон разбил.
- (15) a. John swept the floor.
Джон подмел пол.
b. John swept.
Джон позанимался подметанием.

Как видно из (14)-(15), в отличие от глагола *break*, имеющего структуру свершений, глагол *sweep*, относящийся к разряду деятельности, допускается в клаузах без прямого дополнения. В этом случае в рассмотрение вводится неопределённая ситуация, ограниченная во времени, изменения, происходящие с пациентивным актантом, не включаются в содержание сообщения, и акцент делается на агенте и его действии.

Благодаря этому обобщению, у нас появляется дополнительный тест для различения предикатов с характеристиками свершений и деятельности. Рассмотрим (16)-(17):

- (16) Когда я пришел, Володя писал.
- (17) a. Когда я пришел, Володя написал письмо.
b. *Когда я пришел, Володя написал.

Мы видим, что префиксальный глагол в (17) невозможен без прямого объекта, а беспрефиксальный в (16) возможен. (17b), конечно, грамматично в качестве предикации, содержащей в позиции прямого дополнения нулевое анафорическое местоимение: *Я попросил Володю написать письмо_i. Когда я пришел, Володя написал $\emptyset_i$* . Грамматично (18b) и в случае эллипсиса: *Я написал письмо, и Володя написал ~~письмо~~*. Это, однако, случаи, когда позиция прямого дополнения в действительности заполнена, хотя бы и выражениями, не имеющими фонологической реализации. Нас же интересует конфигурация, когда позиция прямого дополнения вообще не создается, и мы получаем непереходную предикацию, описывающую процесс, который происходит с его единственным участником.

Наблюдение, которые можно сделать, опираясь на (16)-(17) подтверждаются и корпусным материалом. В корпусах мы без труда находим примеры, в которых глаголы типа *писать* или *читать* используются без прямого дополнения — как в (18a-b).

- (18) a. Но, между прочим, мальчик был довольно ласковый, когда я **читал** ему, он прислонялся ко мне и внимательно слушал. [Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977)]

- b. Жёсткая замкнутость отгораживала их друг от друга и от меня. Некоторые **читали**, многие казались усталыми. Рядом с ними, смягчённые и украшенные голубизной тёмных окон, ехали их отражения, казавшиеся добрее, проще самих людей. [И. Грекова. Без улыбок (1975)]

Для разных бесприставочных переходных глаголов, по нашим предварительным оценкам, частотность примеров такого рода в Национальном корпусе русского языка колеблется в пределах от 2% до 12% — в остальных случаях прямое дополнение синтаксически реализовано. Такие употребления обнаруживаются даже для тех глаголов, которые в составе изолированных предложений без прямого дополнения оцениваются носителями русского как сомнительные, например, для *точить* (ср. *Когда я вошел, Вася точил*):

- (19) a. Я не большой любитель по части всякого рукоделия, но куда деваться? Надо было, и пилил, **точил**, варил. В начале января 1950 года линию удалось запустить. [Константин Феоктистов. Траектория жизни (2000)]
b. Целое лето я строгал, сверлил, **точил**, свинчивал, склеивал. [Николай Амосов. Голоса времен (1999)]

Частотность префигированных глаголов СВ типа *написать* (*прочитать*, *наточить* и т.д.) без прямого дополнения постоянна — 0%: по-видимому, такие употребления следует признать невозможными.⁴

Принимая во внимание обобщение Раппапорт Ховав и Левин, это как раз то, чего мы ожидаем, если *писа-* обозначает деятельности, а *написа-* — свершения. В данном случае не важно, почему различие устроено именно так.⁵ Важно описательное обобщение: если перед нами свершение, реализация аргумента обязательна, если деятельность — нет.

Таким образом, данные о синтаксической реализации прямого дополнения дают нам независимое свидетельство того, что имперфективы типа *писать* и образованные от них приставочные дериваты различаются событийной структурой. Когда прямое дополнение

---

⁴ О.А. Смирницкая (личное сообщение) обратила наше внимание на примеры типа (i), которые грамматичны и при отсутствии прямого дополнения.

- (i) Я Вам непременно напишу.

Можно предположить, однако, что и в этом случае позиция прямого дополнения в действительности заполнена элементом с нулевой фонологической реализацией. К такому выводу нас подводит следующее наблюдение. В (16) нет информации о том, что выступает объектом писания — это может быть письмо, статья, книга, налоговая декларация и т.п. В (ii) такая информация есть: предложению (i) синонимично только (iiа), но не (iiб-d):

- (ii) a. Я вам непременно напишу письмо.
b. Я вам непременно напишу книгу.
c. Я вам непременно напишу статью.
d. Я вам непременно напишу налоговую декларацию.

В этом принципиальное различие между (i) и (16): только последнем случае пациентивный актант по-настоящему отсутствует.

⁵ Сами Б. Левин и М. Раппапорт Ховав объясняют это с помощью принципов, регулирующих синтаксическую реализацию лексико-семантической структуры, — иными словами, через ограничения на лексико-синтаксический интерфейс.

необязательно, то это может быть только потому, что в структуре предиката отсутствует результирующее состояние.

5. Сфера действия операторов

Следующее предсказание, которое вытекает из анализа в (5)-(6), описывается простым рассуждением. Если целое событие действительно раскладывается на подсобытия, мы должны найти способ увидеть их отдельно друг от друга — с помощью семантических операторов, сфера действия которых распространяется на одни подсобытия и не распространяется на другие. В комбинации с двухкомпонентными предикатами класса свершений, такими, как *написать*, эти операторы будут иметь иной состав интерпретаций, чем в комбинации с деятельностями, такими, как *писать*, которые на компоненты не членятся.

Среди интересующих нас семантических операторов, начиная с Dowty 1979, в литературе обсуждаются отрицание, а также наречия ‘почти’ и ‘опять’. Они примечательны тем, что могут получать сферу действия внутри событийной структуры предиката, в частности, включать в нее одни подсобытия, но исключать другие. Если префигурованные глаголы специфицируют достигнутое внутренним аргументом результирующее состояние, можно ожидать, что это состояние будет доступно для модификации независимо от событийного компонента. Присоединяясь к непрефигурованным глаголам, у которых нет результирующего состояния, отрицание, ‘почти’ и ‘опять’ должны иметь на одну интерпретацию меньше.

Поведение глаголов типа *писать* и *написать* подтверждает эти ожидания. Рассмотрим их в комбинации с отрицанием:

- (20) a. Володя не написал письмо Феликсу.
→ 1. Володя вовсе не занимался составлением письма.
→ 2. Составление письма было начато, а затем прервано.
- b. Володя не писал письмо Феликсу.
→ 1. Володя вовсе не занимался составлением письма.
→ 2. *Составление письма было начато, а затем прервано.

Отметим, что для обсуждаемого явления не важен глагольный вид — НСВ и (20a) и СВ (20b): нас интересует исключительно состав подсобытий и в этой связи сфера действия отрицания. Ключевой факт состоит в том, что (20a) демонстрирует неоднозначность, которой нет у (20b). Оба предложения можно понять так, что письмо не писали вовсе — это интерпретации в (20a.1) и (20b.1). Однако у (20a) есть также интерпретация в (20a.2), при которой сфера действия отрицания распространяется только на переход в новое состояние, но не на деятельность. В этом случае отрицается, что письмо перешло в разряд написанных, но не отрицается, что его писали. У (20b) такой интерпретации нет.

Таким образом, благодаря отрицанию мы видим коренное отличие глаголов типа *писать* от глаголов типа *написать*. Там, где отрицание не создает неоднозначности, мы имеем одно событие, не членимое на подсобытия. Появление более чем одной интерпретации сигнализирует о том, что глагол подвергается декомпозиции.

На это же указывает и наречие *почти*. С интуитивной точки зрения (см. анализ в Penka 2005 и цитируемую в этой работе литературу), *почти* сообщает, что происходящее в актуальном мире не является событием из экстенционала предиката, обозначаемого

глагольной группой, но при этом мир, в котором пропозиция “X VP” верна, во всех релевантных аспектах максимально близок актуальному. Сравним (21) и (22a-b):

- (21) Володя давно собирался послать письмо товарищам в Женеву. Он пришел домой, сел за стол, достал ручку и бумагу и уже почти **писал**, когда раздался звонок в дверь...
- (22) a. — Володя, долго еще будешь возиться? Тебя просили написать товарищам два вежливых абзаца.
— Сейчас-сейчас. Уже почти **написал**. Еще две минуты.
- b. — Такое безобразие: мусор из Смольного неделю не вывозят.
— И не говорите. Да я уже почти **написал** письмо Феликсу, а но потом раздумал: он все силы тратит на борьбу к контрреволюцией, ему не до мусора.

Интерпретация в (22a) (предпочтительная в нулевом контексте) предполагает, что деятельность агенса имела место, и в сферу действия *почти* входит только кульминация события с последующим результирующим состоянием: в (22a) сообщается, что кульминация максимально близка. *Почти написал* допускает и другую интерпретацию, которую мы видим в (22b): в этом случае агенс максимально близок к тому, чтобы осуществить всю ситуацию целиком, от начала до завершения, но затем меняет намерения. В сферу действия *почти* в (22b) входят все компоненты события, не исключая и деятельность.

В отличие от *написать* в (22), *писать* в комбинации с *почти* однозначно: единственная возможна сфера действия *почти* — та, которую мы видим в (21), когда в нее входит вся ситуация писания. Несмотря на то что агенс в (21) сделал все необходимые приготовления, писания в актуальном мире не происходит. И если в случае *написать* мы можем, манипулируя контекстом, создать благоприятные условия либо для широкой (над всей ситуацией), либо для узкой (только над результирующим состоянием) сферы действия *почти*, то *писать* ни в каком контексте узкой сферы действия не допускает. *Почти писал письмо* не может обозначать ситуацию, в которой агенс написал хотя бы строчку. Гипотеза о том, что *писать* отличается от *написать* более простой — однокомпонентной — событийной структурой, объясняет эти факты принципиальным образом, точно так же, как и в случае с отрицанием. Там, где есть два подсобытия, *почти* может вовлекать в свою сферу действия одно из них независимо от другого. Так, где подсобытие всего одно, только оно и может попадать в сферу действия *почти*.

Похожим образом распределены относительно префигурованных и непрефигурованных основ возможные интерпретации наречия *опять*. Предложения, содержащие это наречие, во-первых, утверждают, что описываемая ситуация имеет место в некоторый момент *t*, а, во-вторых, выражают пресуппозицию, что такая же ситуация осуществилась до этого момента по крайней мере единожды (см., например, von Stechow 1996).

Рассмотрим (23a-b) с глаголом *писать*:

- (23) a. До полудня Володя писал «Материализм и эмпириокритицизм», все вокруг ходили на цыпочках, и Надя не могла послушать новую пластинку Шаляпина. Она надеялась на вторую половину дня, но после обеда Володя *опять писал* «Материализм и эмпириокритицизм».
- b. ??До полудня Володя писал «Материализм и эмпириокритицизм», все вокруг ходили на цыпочках, и Надя не могла послушать новую пластинку Шаляпина. Она надеялась на вторую половину дня, но после обеда Феликс *опять писал* «Материализм и эмпириокритицизм».

Неприемлемость (23b) объясняется нарушением пресуппозиции. *Опять* требует, чтобы ситуация ‘Феликс писал «Материализм и эмпириокритицизм»’ имела место по крайней мере дважды. Однако в (23b) требование не соблюдено: первый раз осуществилась другая ситуация, а именно, ‘Володя писал «Материализм и эмпириокритицизм»’.

Рассмотрим теперь (24) с *написать*:

- (24) a. В прошлом году Лавр написал Володе оскорбительное письмо, в котором называл его мошенником и узурпатором. Лавра арестовали и чуть не расстреляли, и все были уверены, что он не захочет повторить идиотскую выходку. Но в этом году Лавр *опять написал* Володе оскорбительное письмо.
- b. В прошлом году Лавр написал Володе оскорбительное письмо, в котором называл его мошенником и узурпатором. Лавра немедленно расстреляли, и все были уверены, что никто не захочет повторить идиотскую выходку. Но в этом году Антон *опять написал* Володе оскорбительное письмо.

В (24a) ситуация ‘Лавр написал Володе письмо’ повторяется дважды, пресуппозиция не нарушена, и, как и можно ожидать, отрезок дискурса в (24a) полностью когерентен. В этом отношении (24a) ведет себя так же, как (23a) с глаголом *писать*. Однако приемлемым оказывается и отрезок в (24b), где, как и в невозможном (23b), в повторном осуществлении ситуации задействован другой участник.

Объяснение этого контраста между *писать письмо* и *написать письмо* — такое же, как и в случаях со сферой действия отрицания и *почти*. В (24b) в сферу действия *опять* входит лишь одно подсобытие, состоящее из кульминации и последующего результирующего состояния. Повторно осуществляется появление на свет письма, но не приводящая к этому деятельность: мы можем иметь различные деятельности (‘Лавр пишет’ vs. ‘Антон пишет’), не нарушая пресуппозицию *опять*. В (24a) в сферу действия *опять* входят все подсобытия. Иное дело — (23). У *писать письмо*, как мы предполагаем, есть всего одно подсобытие. Это значит, что в сферу действия *опять* оно по необходимости входит все целиком, и *опять писал* требует чтобы оно осуществилось минимум дважды. Отсюда следует невозможность замены агенса при повторении: события с разными агенсами — разные события.

Таким образом, если узкая сфера действия *опять* появляется тогда, когда в его сферу действия попадает не все событие целиком, а только его результирующее состояние, контраст между (23) и (24) получает естественное объяснение: согласно нашей гипотезе, результирующее состояние есть только у префиксальных глаголов.

Факты такого рода дают еще один важнейший аргумент в пользу того, что *писать* соотносится с событийной структурой деятельностей, а *написать* — со структурой свершений. Общая картина, которая возникает перед нами, таким образом, совершенно последовательна и систематична: узкая сфера возможна лишь у свершений, там, где результирующее состояние. Наблюдения о сфере действия отрицания, *почти* и *опять* суммированы в (25):

- (25) a. NEG/ПОЧТИ/ОПЯТЬ [ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕЕ СОСТОЯНИЕ]
b. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ [NEG/ПОЧТИ/ОПЯТЬ [РЕЗУЛЬТИРУЮЩЕЕ СОСТОЯНИЕ]]

- (26) a. NEG/ПОЧТИ/ОПЯТЬ [ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ]

Если *написать* имеет структуру свершений и обозначает ситуации, состоящие из двух компонентов, появляются две возможности в (25a) и (25b). В (25a) операторы имеют

широкую сферу действия — над обоими компонентами. Узкая сфера действия возникает в (25b): компонент деятельности выводится за ее пределы, и отрицание, *опять* и *почти* модифицируют только наступление результирующего состояния. Ситуации, обозначаемые глаголами типа *писать*, на компоненты неразложимы, а значит, двух возможностей для отрицания, *опять* и *почти* не создается, см. (26) Таким образом, гипотеза о различия в событийной структуре между *писать* и *написать* позволяет получить ясное и последовательное объяснение наблюдаемой семантической дистрибуции этих и аналогичных глаголов. И поскольку морфологически эти глаголы различаются ровно на префикс, мы приходим к заключению, что именно он, по-видимому, и несет ответственность за появление в семантическом представлении результирующего состояния.

6. Заключение

В этой статье мы изложили несколько наблюдений о событийной структуре бесприставочных глаголов типа *писать* и их префиксальных аналогов типа *написать*. Отвлекаясь от лежащего на поверхности видового противопоставления, мы сосредоточились на выявлении состава и свойств подсобытий, образующих означаемое глагольного предиката в каждом из этих случаев. Мы выдвинули гипотезу, в соответствии с которой *писать* и другие аналогичные глаголы имеют структуру деятельностей, а *написать* и его аналоги — структуру свершений. Структура деятельностей элементарна: она подает описываемую ситуацию как не членимую на компоненты. В структуре свершений, напротив, выделяются деятельность и вызываемое ею результирующее состояние. Из этой гипотезы вытекает целый ряд предсказаний, опирающихся на известные свойства деятельностей и свершений, и мы рассмотрели три группы явлений, позволяющих проверить эти предсказания.

Во-первых, если в событийной структуре имеется в качестве самостоятельного компонента результирующее состояние, можно ожидать, что в некоторых семантико-синтаксических конфигурациях оно будет иметь поверхностные проявления. В такой конфигурации свершения, обладающие результирующим состоянием, и деятельности, его лишённые, должны вести себя по-разному. И действительно, рассматривая причастный пассив, мы обнаруживаем, что он может обозначать состояние, только если образован от префиксального глагола типа *написать*. Аналогичный пассив, образованный от простого глагола, такого, как *писать*, имеет только событийную интерпретацию.

Во-вторых, событийная структура дает о себе знать, когда речь идет о синтаксической обязательности прямого дополнения. Для большинства деятельностей оно факультативно, для свершений обязательно. И вновь мы обнаруживаем, что глаголы типа *написать* ведут себя как свершения, а *писать* — как деятельности. Первые требуют прямого дополнения, хотя бы и фонологически не выраженного, вторые могут возглавлять непереходные предложения, описывающие деятельность агентивного участника ситуации и выводящие пациенс и происходящие с ним изменения за скобки.

В-третьих, семантическая неэлементарность структуры свершений проявляется в том, что некоторые операторы могут включать в свою сферу действия одни компоненты этой структуры отдельно от других. Мы рассмотрели три оператора — отрицание, *почти* и *опять*. Картина, которую позволяют увидеть эти операторы, оказывается совершенно систематической. Всякий раз, когда перед нами префиксальный глагол, возможно, что в сферу их действия входит только результирующее состояние, но не деятельность. Для семантически элементарных глаголов типа *писать* такое невозможно: сфера действия с необходимостью включает всю ситуацию целиком.

Таким образом, целый ряд независимых фактов подтверждает гипотезу о событийной структуре приставочных и бесприставочных глаголов типа *писать* и *написать*. И благодаря этому делается совершенно отчетливой роль глагольного префикса: именно префикс создает в семантическом представлении результирующее подсобытие. Если это верно, то преобладающий в традиционной аспектологии взгляд на приставочную перфективацию как на операцию с грамматическим видом *par excellence* должен быть существенно скорректирован.

Литература

- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. 2000. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры.
- Князев Ю.П. 2007. *Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур.
- Кустова Г.И. 2004. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- Кустова Г.И., Падучева Е.В. 1994. Словарь как лексическая база данных // *Вопросы языкознания* №4.
- Маслов Ю.С. 1983. Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков В.П. (ред.). Типология результирующих конструкций. Л. 1983.
- Недялков В.П., Яхонтов С.Е. 1983. Типология результирующих конструкций // В.П.Недялков (ред.). Типология результирующих конструкций. Л. 1983.
- Падучева Е.В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Падучева Е. В. 1996. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М..
- Татевосов С.Г. 2010. *Акциональность в лексике и грамматике*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.
- Comrie, Bernard. 1976. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davidson D. 1967. The logical form of action sentences. In *The logic of Decision and Action*, ed. N. Rescher. Pittsburg: University of Pittsburg Press, 81-95.
- Dowty D. R. 1979. Word Meaning and Montague Grammar. The Semantics of Verbs and Times in Generative Semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel.
- Giorgi, Alessandra, and Fabio Pianesi. 1998. Tense and Aspect: From Semantics to Morphosyntax. Oxford University Press.
- Iatridou S., Anagnostopoulou E., Izvorski R. 2003. Observations about the form and meaning of the Perfect. In M. Rathert, A. Alexiadou, and A. von Stechow (eds.) *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 153-204.
- Kratzer A. 2000. Building Statives. In L. J. Conathan et al. (eds.): Proceedings of the 26th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, pp. 385-399.
- Levin B., M. Rappaport Hovav. 2005. *Argument realisation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levin B., Rappaport Hovav M. 1995. *Unaccusativity. At the Syntax-Lexical Semantics Interface*. Cambridge: MIT Press.
- McCoard, Robert W. 1978. *The English Perfect: Tense Choice and Pragmatic Inferences*. Amsterdam: North-Holland Press.
- Parsons T. 1990. Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics. Cambridge: MIT Press.
- Paslawska A., and A. von Stechow. 2003. Perfect Readings in Russian. In M. Rathert, A. Alexiadou, and A. von Stechow (eds.) *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 307-362.
- Penka D. 2006. Almost there: The Meaning of almost. In C. Ebert, C. Endriss (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung 10*. Berlin: ZAS, 275–286.
- Rappaport Hovav M., Levin B. 1998. Building verb meanings. In M. Butt, W. Geuder (eds.) *The projection of arguments: lexical and compositional factors*. Stanford: CSLI Publications, 97-134.
- von Stechow, A.. 1996. The different readings of *wieder* 'again': A structural account. *Journal of Semantics* 13, pp. 87-138.